

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Вадима Крабова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

РУС. ТОЧКА ОТСЧЕТА
РУС. СКЛОННЫЙ К СИЛЕ
РУС. ЗАЩИТНИК И ОСВОБОДИТЕЛЬ
РУС. ЗАГОВОР БОГОВ

Вадим КРАБОВ

РУС.
ЗАГОВОР БОГОВ

Роман

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К78

Серия основана в 2004 году
Выпуск 574

Художник
С. Дудин

Крабов В.

К78 Рус. Заговор богов: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 345 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1996-8

Уютный магический мирок меняется. Незаметно, исподволь. Винной тому служит наш с вами земляк, прибывший туда лет шесть назад. Рабов освободил – раз, эльфов изгнал – два, магические потоки перекроил – три. Правда, последнее по незнанию, но это его не оправдывает. Один из местных богов к нему благосклонен, другой снисходителен, третья ненавидит. Точнее, все небожители относятся к нему настороженно и пока смиряются, не желая нарушать закон о невмешательстве. Только на этот раз пришелец замахнулся на самую «волю богов». Терпение хозяев лопается. Месть будет ужасной. Держись, земля!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1996-8

© Вадим Крабов, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

Поссорятся два великана, землю начнут трясти.

Группа «Пикник». Два великана

ГЛАВА 1

Над безлюдной тирской степью висело жаркое марево. Довольный Рус лежал на жесткой траве, ломкой и колючей, как прошлогодняя солома, и так же, как солома, совсем не ароматной, а тускло пахнувшей безводной пылью. Воздух был необычайно сух и наполнен песчаной взвесью, противно скрипящей на зубах. В горле постоянно саднило и зудело, будто какой-то зловерный пакостник устроил там целый муравейник. Но сейчас Рус не замечал ни привычной, вместо небесной синевы, серой дымки, удушающей, как натянутое на голову ватное одеяло, не чувствовал горящего зева, не обращал внимания на стойкий запах далекой гари, до неузнаваемости изменивший легкий тирский воздух, когда-то напоенный ароматами разнотравья, — он блаженствовал. Отдыхал от долгого тяжелого труда, до которого наконец-то дошли руки. Они с Андреем только что завершили первое успешное испытание амулета «универсальной защиты» — итог их годовых усилий. Правда, не непрерывных, а скорее периодических: свободного времени ни у одного, ни у другого практически не было, — но тем не менее...

Много воды утекло с тех пор, как Рус раскрыл купеческий заговор в Кушинаре. За три года во всем мире произошло немало событий, но только в Тире вода утекла в буквальном смысле этого слова. Пиренгул, несмотря на всю свою власть, не смог оставить на «землях предков»

не то что половину, но даже треть своего народа. Степи, города, поселения и стойбища практически обезлюдели. И дело было даже не в процветающем Кальварионе и развивающемся Альвадесе — богатейшей ресурсами «Белой долине», куда кочевников манило так сильно, словно те места и являлись завещанной предками «Землею тысячи колодцев»; точнее, не только в этом — большую роль сыграло наступление восточной пустыни, сухой и злобной Карагуль.

Как много, оказывается, для местной степи значили шаманы, а тем паче маги! Об этом никто не задумывался, даже дальновидный Пиренгул. С исчезновением лоосок, с уходом большинства шаманов, почти всех склонных к Силе Гидроса, на земли Тира стал наступать песок. Пересыхали колодцы, скудели пастбища, жухли посевы. Выжженная злым южным солнцем степь вспыхивала от малейшей искры. Оставшиеся шаманы с трудом гасили пожары, грозившие испепелить весь некогда цветущий Тир. Вымирали не приспособленные к безводью овцы и козы. Выносливые борки с единорогами все чаще и чаще бросали хозяев (что совершенно невыносимо!) и уходили в пятно. Самые крепкие, самые преданные родной степи люди вынужденно тянулись за ними, за своими кормильцами, моля всех богов и Предков о дожде. А высшие силы призывов не слышали, они наказывали некогда многолюдные земли за предательство, и не по-отечески, шлепая ремешком по мягкому месту, а лупя с размаху, до крови: осадки за последние два года выпадали так редко, что каждый кочевник мог вспомнить точную дату каждого такого события. И теперь на обширных тирских просторах оставалась лишь жалкая горстка населения, в основном живущая в городках, да и жили они чуть ли не исключительно за счет заморских поставок продовольствия, ставшего невероятно дорогим. Пиренгул даже вынужден был покупать хлеб за счет казны и распределять его среди самых неимущих. И число их росло. Княжество Тир готово было прекратить свое существование, а ти-

ренцам угрожало полное превращение в «кальварионцев» и «альвадинцев».

Рус как-то поговорил с тестем по душам:

— Пиренгул, я все понимаю, земли Предков и все такое. Ну, придут туда месхитинцы, их орденские маги наладят водоснабжение — чем плохо? Мне и самому жаль «Закатный ветерок», но согласишься, что здесь, в долине Кальвариона и в твоей Альваде — всем тиренцам места за глаза хватит! А сбыт здешних богатств наладим по той же дороге, по которой сейчас центральные страны в пятно идут, мимо Кагантополя на Далор. А там — море и торговля со всей ойкуменой. Не посмеют они таможни устроить.

В последней фразе, однако, мелькнула неуверенность. Правитель подтвердил его опасения:

— Посмеют и устроят! Нынешний договор сам собой сойдет на нет, а новый, на обратный беспошлинный проход к портам, месхитинцы, или кто там вместо них Тир займет, ни за что не заключат! Во-первых, не захотят, а во-вторых — с кем? С владельцем какого-то Альвадиса? А где оно, это княжество или царство? Где? Пока никто его не признал. Кальварион, об который зубы обломали, и то официально не признают, кривятся... — На этом слове князь сам презрительно выпятил губу, показывая свое отношение к «коллегам». — Из-за твоих рабов, между прочим. Зачем их тут столько? Половина населения, считай!..

— То не моя воля, Пиренгул, а Эледриаса, — поправил его Рус. — Какие же они мои?

— Хорошо, Эледриаса, — легко согласился князь, несколько не изменив своего мнения.

Местный бог, «защитник и освободитель» — буквальный перевод имени «Эледриас», — находился с его зятем в тесных запутанных отношениях. В народе поговаривали, а дочь заявляла прямым текстом, что они были кем-то наподобие «побратимов». Конечно, с поправкой на то, что Рус все же человек (в чем Пиренгул иногда сомневался), хоть и пасынок другого бога, Френома. Впрочем, во

втором «родстве» были убеждены только его соплеменники-этруски, которые уверяли, что их бог усыновил Руса. За какие достижения — неизвестно.

— Центральным странам зазорно признавать грязное скопище бывших рабов за полноправное государство! — раздраженно выплеснул владетель Альвадиса.

Рус посмотрел на тестя с укором, как на не оправдавшего надежды школьника:

— Пиренгул. Ты прекрасно знаешь, что дело не в этом! Сильвалифирию, где бывшие рабы и вовсе основная часть населения, — признали. Завидуют они нашим сокровищам! Даже не столько им — сколько готовому городу, о котором бесчисленно разнеслось восторженных слухов. Им-то приходится самим строиться. Все окрестные долины, сволочи, заняли... Нет, тесть, не переживай так за Тир: боги дали — боги взяли... или Предки, не важно...

— Очень важно, Рус, ошибаешься ты! — горячо ответил вспыхнувший Пиренгул. — Никакого нового договора не будет, а старый сам собой кончится, в связи с прекращением существования государства Тира! — Но далее продолжил менее раздраженно: — Ты, может, думаешь, что я за свою власть цепляюсь? — Рус надулся и глупо выпучил глаза. Мол, и тени сомнения не закрадывалось! Если бы тесть плохо знал своего зятя, то поверил бы в искренность. — Хм, — усмехнулся он, — не веришь... Да и Таргар с тобой, не верь! Только протухнем мы здесь, в Кальварионе с Альвадисом без внешней торговли, а она возможна только через тирские порты... ну, это ты понимаешь, вижу. А они... не важно кто, кто бы ни расположился в покинутом Тире, просто так нас к морю не пропустят. По дешевке скупать каганит да амулеты — будут, но позволить нам самим торговать — ни за что! Я бы сам на их месте так поступил...

И пришлось почти всем немногочисленным магам-Текущим, состоящим у Пиренгула на службе, вернуться в Тир и пытаться хоть как-то бороться с засухой. Пришлось, не жалея ног, ибо «пахали как борки» в буква-

льном смысле: надо было много ходить, чтобы подтянуть глубокие грунтовые воды к поверхности на как можно большей площади. С начала весны — до конца лета. На следующий год опять. Но их было слишком мало. Пески лишь немного замедлили свое победное шествие.

В число тех магов входил Андрей, а во второе лето к нему стал присоединяться Рус. Помимо выполнения ирригационных работ, в часы отдыха друзья вспомнили и занялись экспериментами по созданию «универсальной защиты».

Рус, конечно, не был Текущим. Он как Хранящий помогал выводить на поверхность земли воду, которой течь по разломам-каналам неимоверно легче, чем просачиваться сквозь грунт. И колодец вырыть ему было просто, все равно что пальцами шелкнуть. Причем глубина некоторых скважин получалась такой бездонной, что в ней таялось эхо.

Когда Рус сделал такой, с позволения сказать, «колодец» в первый раз, Андрей не преминул сыронизировать:

— На дарков хотел полюбоваться? — Имел в виду простонародное поверье о подземном обитании этих аналогов земных чертей.

— Бери выше, Тартара! — Рус с удовольствием поддерживал шутку.

— Ох, Чик, вечно ты что-нибудь выдумаешь! Ну, подниму я воду, прольется она на землю, а дальше? Просочится обратно. Толку ни-ка-ко-го! Я же тебе уже объяснял о водоносных слоях...

— Да-да, я помню. Вот и ходи давай ножками по всему полю, тяни воду на тот слой, а я за тобой буду шагать и колодцы варганить. Как последние ученики мы с тобой выглядим, обратил внимание? Потом сюда явятся полудохлые людишки, которых тут на пальцах пересчитать можно, принесут ведра, веревки и начнут поливать. Красота! Хлеб как поперет расти! Смотри, — сказал, обращая внимание друга на окрестности. — Все поле засеяно, и не все еще ростки посохли. Жалко, если пропадет.

— Ага, а ты, значит, собрался сделать добро и устроить

им водопровод, как в лучших городских домах... — Андрей, родившийся и выросший в Месхитополе, в одном из крупнейших полисов ойкумены, не проникся заботой о труде земледельцев. Что он мог для них сделать?

— В каганских, — перебил его Рус, подняв статус будущего водопровода. — Специально на холме бурил, чтобы вода в поле сама бежала. Я еще канавки для равномерного стока сделаю.

— Чик! — Андрей от возмущения вскочил. — Это же сколько Силы надо потратить, амулетов, эликсиров! Да их же заряжать и менять раз в полгода придется! И сколько это будет стоить?! А регулировка поступления, а заслонки? Все-все придется делать! Не потянут местные...

— А мы им все это подарим! — торжественно произнес Рус. — У нас этих эликсиров да заготовок для амулетов — хоть вяль, хоть соли. Все равно сбыт ограничен. Тебе что, жалко? Ну и придешь раз в полгода, зарядишь — не переломисья.

Андрей соображал быстро: нудное ученическое занятие — поиск и подъем подземных вод — против интересной работы, достойной мастера. Деятельный Текущий, удивившись: «Как я сам-то не догадался?» — обрадовался:

— Дарки! Чик, ты на все готов, лишь бы побездельничать!

— Лень — двигатель прогресса, — глубокомысленно пояснил Рус. По-гелински это выражение звучало еще более парадоксально.

— Да уж, мне бы такую лень... Ну как это у тебя так получается?! — Андрей задал риторический вопрос, воздев руки, будто обращался не к другу, а к кому-то повыше. — За эликсирами, заготовками, стикерами¹ идти, конечно, мне... — сказал упавшим голосом, будто действительно предстоял долгий изнурительный поход.

---

¹ Стик е р — заостренная палочка или кисточка с вложенной структурой, не позволяющей сложным эликсирам распадаться. Стик е р обмакивают в алхимическую смесь и рисуют Знаки на оружии или руны на амулетах. — *Здесь и далее примеч. авт.*

— Ты в Кальварионе заведешь мастерской... — ответил Рус, делано зевая. — Я пока посплю. Местные координаты не забудь снять, — пробормотал, как будто в самом деле уже проваливался в сон. И, словно со стороны, отметил, что они с Андреем ведут себя, как дети. Это его еще больше позабавило.

Андрей иронически покачал головой. Через несколько ударов сердца под ним возник круг цвета морской волны, отдаленно напоминающий плоский, резвящийся на большой сковородке водоворот. В него и провалился.

Рус пробовал просить Великих шаманов, но те смогли устроить лишь несколько коротких ливней в непосредственной близости от своего плато.

«Надо сгонять тучи почти со всего побережья, — объясняли они, — слишком сухо. Увы, в призрачном виде мы не такие крутые... вот раньше, эх!» — Дальше Рус их хвостовство пресекал.

В Эолгуле функционировал один-единственный орден — Исцеляющих. Другие эндогорские филиалы, вернувшись после отражения набега коалиционных сил, собрали все свое хозяйство и «эвакуировались» окончательно. Многие ученики, недолго погоревав, помучившись от стыда за «предательство» своей альма-матер, «бросившей» их родину, поехали следом. Коль наделил тебя бог склонностью к своей Силе, то негоже разбрасываться возможностью научиться управлять этим божьим даром. У тиренцев не осталось ни одного магистра Текущего и Ревущего, которые совместными усилиями еще могли бы что-нибудь устроить, да и то недалеко от моря. Не удержали бы и не дотянули тучи, полученные конденсацией морского пара, на полсотни миль вглубь степи, до первых поселений хлебопашцев. Не в человеческих это силах. А если создавать воду магическими структурами, то пользы от нее никакой не будет — через пару статеров она спокойно превратится обратно в Силу. Поднятие глубинных вод — единственное спасение от засухи, не считая мольбы Гидросу, который почему-то не отвечал. Ходили слухи, что он специально наказывает тиренцев

за то, что они соблазнились пятном. Может, это и правда. В этом мире, созданном богиней Геей, наполненном богами со сложными, почти человеческими характерами, — и не такое возможно.

Рус не стал ничего выдумывать. Добыл из земли глину, слепил из нее точную копию земной деревенской «колонки» с отводящим краном и рычагом-заслонкой, укрепил эту конструкцию структурами. Поколдовал над эликсиром из порошкового каганита, смешал его с вытяжкой из «каганского масла», окунул в полученную массу стикер и легко, одним росчерком нарисовал на своем сооружении Знак долговечности. Андрей же поместил внутрь «колонки» изумрудный амулет, под завязку наполненный Силой с единственным свойством: подъем воды. Друзья дождались прихода старосты поселения — сухого пожилого тиренца, во взоре которого легко угадывалась безысходность, продемонстрировали ему ирригационное сооружение, объяснили, как им пользоваться, и быстро ушли «ямой», напоследок добавив: «Сие есть дар от князя Пиренгула. Он помнит о нуждах своих подданных!» Андрей не удержался от игривого пафоса — уж больно оторопевшим выглядел старый, но еще крепкий мужик с заскорузлыми натруженными пальцами (и это староста!). В его ошеломленном виде угадывалось все: надежда, недоверие, радость и сожаление об упущенном времени. Он словно говорил: «Что же вы так поздно, сынки?» Потом возник страх: «Сколько же за это чудо запросят?!» — его и заметил Андрей, потому и успокоил.

В «Закатном ветерке», как и весь Тир, тронутым запустением, он поинтересовался у друга:

— А не раскурочат твою глиняную трубу? Поди, догадуются, что там внутри дорогой амулет.

— Не, ее молотом не разобьешь. Укреплена, как городские врата. Пожалуй, лучше «пыльной стены» будет... — ответил Рус.

Друзья выпрыгнули на привычной поляне в гоштовом саду среди наполовину высохших деревьев и ступили на пожухлую, иссушенную солнцем траву, присыпан-

ную пока еще тонким слоем пыльного ярко-желтого карагульского песка. Разговаривая, шли к дому, предвкушая вкусную еду, которую готовили две оставшиеся на вилле поварахи, и старались не обращать внимание на явные признаки наступления пустыни, уже достигающей сердца Тира, его столицы.

Бассейн во внутреннем дворике пересох, но в доме водопровод работал исправно. Заметив хозяев виллы еще издали, Асмальгин распорядилась быстро разогреть давно готовую еду и вышла встречать совладельцев. Домоправительница, как обычно, пожаловалась на страшную дороговизну всего, особенно продуктов на оскудевшем рынке и на нехватку слуг, из-за которых дом и сад стояли полузаброшенными. Посетовала на тяжелую жизнь вообще и на свою судьбу в частности: мол, когда же Рус заберет ее в Кальварион, о котором ходит столько восторженных слухов. После всего не удержалась и выплеснула на Руса, которого считала очень покладистым, свое сожаление и снова как бы намек на просьбу:

— Умирает Эолгул, господин Рус, видят Предки — умирает. Это все лооски, которые прокляли наши земли перед тем, как всем до одной издохнуть!

Это было явное преувеличение. Скончались только самые сильные жрицы, а остальные превратились в обычных, не склонных к Силе женщин. Некоторые убили себя (отравились, повесились, утопились), а многие просто пропали, словно их никогда и не было. Затерялись, растворившись среди населения без всякой магии: зеленоглазые красотики идеального телосложения превратились в ничем не примечательных матрон. Разве что, несмотря на возраст (от старух до юных девушек), сплошь незамужних и бездетных. Возможно, и в Эолгуле осталось несколько бывших младших жриц, тщательно скрывающих свое прошлое. Асмальгин не видела и неувязок с «проклятием», которое два года назад, с началом массового бегства рабов в пятно, она сама считала направленным исключительно на невольников, а теперь расширила на все пятно в целом.

— А может, эта засуха, подобной которой на моей памяти не было, а я уже пять десятков годов на этом свете мучаюсь, — это Знак от них, от Предков, да не иссякнет память о них! А?

— То есть? — не понял Рус.

— Второй год не посылают они дождей, а в Кальварионе, говорят, все благоухает! Это правда?

— Да.

Хотел добавить, что там всегда благоухает, но домоправительница не дослушала.

— Это Знак нашему кочевому народу! Предки хотят, чтобы мы все, все тиренцы ушли туда! — воскликнула она с неприсущим ей фанатизмом и, вдруг осознав это, стусевалась. — Я правильно думаю, господин Рус?

— Ох, Асмальгин! Видят боги, не до тебя сейчас! То у тебя пятно проклято, то там, наоборот, счастливые долины Предков — не поймешь. На стол накрыто? Мы с господином Андреем борка готовы съесть...

Домоправительница с достоинством поклонилась, пряча смущение, и торжественным движением руки открыла путь в столовую, откуда доносились волнующие голодное естество запахи.

Вот за этим обедом Рус и вспомнил о давних задумках «универсальной защиты». Поделится соображениями с Андреем, тот горячо поддержал это начинание, идущее наперекор Воле богов в том виде, в котором ее преподносили в орденских школах. И в перерывах между заботой о мелиорации вверенной им части тирских посевов старые друзья приступили к реализации невозможного. Благо необходимые алхимические ингредиенты теперь всегда носили с собой, в пространственном кармане Андрея.

К сожалению (а для Руса — к счастью), зять Пиренгула не мог тратить свое время исключительно на помощь тестю. На плечах князя Руса Четвертого лежали Кушинар, который просто опасно было надолго оставлять без присмотра, и Этрусия, куда его, пасынка их бога — Френома, часто звали поприсутствовать то там то сям; хотя

сам пасынок считал, что в царстве славных воинов он лично уже не требовался: Эрлан отлично справлялся с царской должностью, а «заветов» Рус написал лет на полста вперед. Орден Призывающих расправлял крылья — даже самые ярые противники нового подхода к воспитанию Духов соглашались с тем, что орденские ученики стали намного сильнее среднего воина Призывающего. Школьные жрецы-наставники только-только освоили Русов курс, который он им закончил начитывать еще полтора года назад, а учить их дальше — только портить. Пусть сначала эти знания дойдут до автоматизма. Страсти между грусситами и гросситами, периодически вспыхивая, все же сходили на нет. В общем, личное присутствие Руса в той большой северной стране требовалось исключительно на праздниках. А был еще и Кальварион, где его и боялись и боготворили как «побратима» Эледриаса и эксперта «по каганам», и где его всегда ждала любящая жена, которая, кстати, решила-таки исполнить свою главную миссию — забеременела.

Когда Рус узнал об этом — задохнулся. Стал опасаться лишней раз потревожить жену, гордился своим скорым отцовством и толком не понимал чувств, которые при этом испытывает. Жалел Гелинию, придавленную грузом забот о собственном неустроенном княжестве, помогал, чем мог, уговаривал не принимать проблемы близко к сердцу. В спальне старался быть обходительным и, насколько получалось, нежным. Жаль, что из-за засухи и других своих дел ночевать в обнимку с женой удавалось редко.

Надо упомянуть еще и лесное царство Сильвалифрию, где Рус тоже время от времени появлялся. Так что Андрей в полях часто оставался один, и работа над «универсальной защитой» растянулась на целый год.

Дело было не только и не столько в вынужденных перерывах, а главным образом в той самой Воле богов, будь она неладна. Иначе за тысячелетия развития магии, тем более за последние пять сотен послесумрачных лет, когда доступные людям Силы богов возросли и обрели бо-

лее-менее четкие законы, когда появились уникальные алхимические возможности, такой амулет давно бы создали. Собственно, какое-то подобие «универсальной защиты» и было придумано — это Знаки. Особые рисунки из алхимических эликсиров, наносимые магом на твердую поверхность под речитатив специальных молитв придавали вещам разные свойства: укрепляли материал, защищали от воздействия структур, усиливали проникающую способность и так далее. Еще в некоторые Знаки можно было добавить мини-структуры, например, «разрывающие» или «отравляющие». От последних Андрей чуть не погиб, но это старая история.

Рус на основе простейшей земной механики давно создал «отражатель» — хороший амулет для защиты от воздействия структурированной Силы. Атакующие структуры, попадая под воздействие этого артефакта, разрушались, а высвобождающаяся Сила как бы обтекала носителя амулета. Однако против немагического оружия «отражатель» был бессилён: Знак «стирался», а стрела продолжала свой смертоносный путь, даже не замедляясь. Диверсанты, защищенные от магических ударов, получали ранения, а то и гибли от обычного железа. Не так давно, перед тем самым разговором с Андреем, Рус, теперь уже на основе местной «пыльной стены», сделал амулет, защищающий любого человека (хоть склонного к Силе, хоть нет) от «честного» железа. И очень гордился тем, что сам поработал алхимиком, а не просил Андрея.

Если с необходимостью вручную активировать-деактивировать амулет еще можно было смириться (иначе ни попить, ни покушать), то неприятное открытие того, что оба вида защиты нейтрализовали друг друга, даже когда находились каждая в своем «камне», а не только при попытке их совмещения, казалось, рубило саму идею под корень.

— Чик! — разгорячился Андрей. — Я понимаю, ты — пасынок Френома, побратим Эледриаса, практически божественных кровей...

— Брось, Андрей! — раздраженно прервал его усталый

Рус. — Что ты повторяешь разные глупости за простонародьем? С Френомом, каюсь, правда, но зачем разносить эти слухи о якобы побратимстве?

Он никому не рассказывал о своих «встречах» с Эледриасом и Эскулапом.

— Да что ты говоришь! — возмутился Андрей. — А кто боялся в пятно шагнуть? Кто заставил Грацию принять посвящение тогда еще нерожденному богу? Уж по крайней мере — не я! А откуда у тебя столько знаний о каганах и альганах? Я смирился, ни о чем тебя не расспрашиваю, но народу языки не привяжешь. Так что будешь побратимом! Радуйся, что хоть кровным братом тебя не считают, а могли бы... — Текущий выдохся и устало, даже со стариковским — явно напускным — кряхтением, сел на белесую траву, которая сухо захрустела под ним, словно выражая негодование. — Думай, Чик, у меня идей нет. Где твоя божественная наглость?

— Была да сплыла... — задумчиво ответил тоже успокоившийся друг. Лег на землю, привычно не замечая поднятой им пыли, так и норовящей пощекотать в носу, дабы вызвать сопливый чих. Стерпел. В руке появилась медная фляга, он с наслаждением сделал один глоток и предложил Андрею. Тот взял и попил от души, напоследок крикнув от удовольствия.

— Вспотеешь, Андрюша, — подколот друга Рус.

— А я — Текущий, вспотею — высохну. Ну не могу терпеть так, как ты — каменный. Приятно на жаре испить холодной водички, согласишься. Словно божественный нектар по горлу льется...

— Кстати, фляжечку наполни, пожалуйста. Родничок похолоднее отрой.

— Сейчас, отдохну немного. Чуть до отката с тобой не дошел. Соленая ему, видите ли, вода пошла... а пресная еще глубже залегает, между прочим...

Андрей ворчал, чтобы не было скучно, а Рус размышлял.

Он уже пожалел, что взял за основу «пыльную стену» — чисто местное творение. Вроде разобрался в ней,

изучил «от» и «до», а что-то упустил. И уже догадывался, что именно, — Волю. Исповедуя принцип «от добра добра не ищут», полностью положился на искусство местных магов. Сильно врос он в местный мирок, и это давало свои минусы. Земля забывалась, ее реалии становились все менее фундаментальными, а магия, с ее почти полной иррациональностью, уже воспринималась как норма. Рус постепенно терял то, чем и был силен — веру в неизменность мира, в его незыблемые объективные логичные законы. Раньше это мешало ему поверить в свою Волю, а теперь, когда он ее осознал и побывал на короткое время Богом, стало препятствием в обратном — внесении земных законов чисто технологичного, научного мира в местные магические Силы. Слишком близко он познакомился с магией и поверил в ее действенность почти так же, почти на том же бессознательном уровне, как верил прежде в обычные физические явления. Например, в закон всемирного тяготения, который, кстати, здесь пока что преодолеть не смогли. Люди не летали — ни как птицы, ни при помощи «ковров-самолетов». Даже маги-Пронзающие умели заставлять левитировать исключительно неодушевленные предметы. Стоило сесть на то же бревно человеку — и на пядь поднять не смогут. Самих себя от земли отрывать не получалось. Магистры Ревущие при помощи сложнейшей структуры могли совершать длинные прыжки. И это все! Ну, Хранящие наловчились подниматься на своих «лифтах». А где полет? Не встречалось еще на благословенной Гее такого явления. Слияние с Силой и перемещение могучих магов над поверхностью — не совсем то. В этом случае само тело «терется». Да и перевелись те досумрачные мастера, теперь это умел один Рус. Возможно, и некоторые магистры, чтобы компенсировать потерю Звездных троп, тоже научились — Рус о том не ведал. Отиг точно пока не мог и, попоже, освоив «зыбучую яму», особо не стремился.

Андрей прервал вяло копошащиеся мысли друга:

— Может, бросим этот амулет к даркам!

— В смысле? — Рус удивился, сел и бросил на Андрея

непонимающий взор. И чуть было не обманулся: лицо друга было непроницаемо серьезно, но где-то в глубине глаз плясали дарковы огоньки, которых «актер любительского театра» скрыть не смог. «Ну, черт Текущий! Зацепила тебя, зубрилу, эрудита задачка...» — довольно отметил Хранящий.

— А ты, Чик, вспомни историю. — Андрей говорил самым серьезным тоном. — После Сумерек случилась Война орденов. Из двадцати осталось девять: Пронзающие, Ревущие, Текущие, Пылающие, Хранящие, Светящие, Исцеляющие, которые не воевали, а также Родящие и Ищущие, которые сейчас сгнули. То есть осталось семь сильных магических сообществ... но речь пойдет о тех временах, когда было девять. Тогда маги решили и государства потеснить. Помнишь, чем все это кончилось? Большими потерями с обеих сторон и заключением всеобъемлющего клятвенного договора «Об основах доброй жизни между государями и склонными к Силе». Орденам предписывалось создавать практически независимые друг от друга отделения во всех странах и их фактическое подчинение владетелям этих стран...

— Ну, Андрей, мы-то с тобой знаем, что ордены все равно остались государствами в государстве. Царь не может управлять генералом...

— Правильно! Он может только просить. А ты слышал, чтобы хоть кто-нибудь отказывался? Я — нет. В армиях всех просвещенных стран есть разнарядка на орденских магов...

— Которые служат за деньги, которые царь или князь выплачивает ордену. Кроме того, при каждом уважающем себя ордене есть совершенно неподотчетная государю гвардия...

— Далеко не при каждом! Лооски да Пылающие скорее исключение...

— ...которое подтверждает правило. Могут? Могут. И царь ничего не сделает... А, вообще, ты это к чему?

— А к тому я, разлюбезный мой Чик, что в ойкумене сложилась такая ситуация, какая сложилась... Дарки,

Чик! Сбил меня с мысли своей гвардией... Во! Какое ни есть, но равновесие существует. А что мы пытаемся сделать сейчас, в довесок к твоему «отражателю»? Амулет «универсальной защиты»! — Торжественный тон подкрепился поднятым вверх пальцем и воспаленным взором. — Ни мечом меня не возьмешь, ни структурой! Я — не склонный к Силе, любого мага в землю втопчу и попляшу на его могиле! Чуешь, чем пахнет?

— А-а-а, вот ты о чем! Я думал — о чем-то серьезном. Да ничего с так называемым равновесием не случится: оно выгодно всем, и никто из царей и генералов и не подумают на него покушаться. Нашел о чем беспокоиться, тоже мне...

— А о чувствах магов ты подумал? — упрямо, явно играя, не сдавался Андрей. — Раньше они считали себя чуть ли не посланниками богов, теперь согласились быть «склонными к Силе», что тоже, по сути, высшее благоволение. Они же любого человечка могут скрутить! Не буквально, конечно, законы в большинстве стран соблюдаются, но сама эта мысль им душу греет...

— А теперь, стало быть, они не смогут чувствовать себя всемогущими... И дарки с ними! Меньше надо чваниться и строить из себя небожителей. Ну, хватит, Андрей, — сказал Рус, вставая. — Тебя я знаю, ты не такой, а поэтому... давай-ка работать.

— Эх, Чик, Чик, Френомов ты отпрыск. — Андрей медленно поднимался, усиленно кряхтя и хватаясь за поясницу. — Меня, старика, не жалеешь, как не жалеешь ты все мироздание. Почто Эребуса обидел, изверг? Лоос я тебе еще могу простить... а красотулек-лоосок — никогда! — Нарочито хромая, он подходил к невозмутимому Русу и продолжал дурачиться, говоря дребезжащим стариковским голосом: — Ты зачем «Ссору» устроил, громила? А каганы с альганами чем тебе, душегубу, не угодили? Законы свои в мире устанавливаешь, аки бог какой... — При этом, не глядя другу в глаза, так хитро косился исподлобья, что Русу почудилось, будто Андрей заглянул ему в душу. Пасынка Френома невольно пере-

дернуло: «У, черт артистичный! Все хочет, чтобы я признался. А я думал, он давно успокоился... Обломись, Андрюша! Ты выстроил мою биографию, ей и довольствуйся... Ха! А расскажи я сейчас правду, что я просто человек из немагического мира — это будет шагом назад... но надо когда-нибудь... с доказательствами... потом! Блин, влез в душу, артист... а о законах, которые, мол, я устанавливаю, хорошо, что напомнил... кажется...» — Додумать не успел, потому что провалился в «изумрудный омут» — андреевский аналог его «зыбучей ямы».

Выпрыгнули друзья у знакомого Русу городка Баламбор, возле которого состоялось генеральное сражение тирской армии против войск коалиции центральных стран. Тогда тиренцы победили, но и собственные потери оказались невосполнимыми. Вызванные Русом этруски подошли слишком поздно. Пять сотен он отправил в Кальварион, и с тех пор они занимаются сопровождением караванов, которые помогают кормить голодный Тир, другие пять сотен распределились вдоль тракта, по которому, согласно договору между Тиром и несколькими центральными странами, жители любых государств, в том числе и армейские части численностью не более сотни, могли свободно проходить в пятно и обратно.

Сражение прошло давно, а места вокруг мертвецки тихого наполовину опустевшего Баламбора выглядели гораздо хуже, чем во времена той знаменитой битвы. Карагуль, что в переводе и означает «сухость», наступала...

ГЛАВА 2

Рус зацепился за фразу Андрея: «Законы свои устанавливаешь», — и решил полностью отказаться от любимейшей ему «пыльной стены». Чем плоха механика «отражателя»? Ничем! Он вспомнил о своей старой непоколебимой, пусть и наивной уверенности в абсолютном торжестве земного образования над местным «ди-

карством». Тщательно рассмотрел схему «отражателя»: флюгер, поворачивающийся от источника Силы — точно так же, как реальная конструкция от ветра, на этой же оси закреплены «зонт» в сложенном виде и «парус», сидящий на открывающем-закрывающем «купол» рычаге. В зависимости от наличия или отсутствия потока Силы, «парус» приводит в действие рычаг, который в свою очередь распахивает «зонт», таким образом отсекая поток. Так как «чистая» Сила не имеет направления, то любой ее поток и есть структура. Просто как все гениальное. Конечно, и в астрале и в реальном мире вся эта конструкция, выполненная из нитей Силы, то есть структура, выглядит совершенно по-другому, но суть остается такой, какая была заложена создателем — Русом.

Разобрав и освежив в памяти схему, Рус вдруг понял, что это, собственно, и есть почти готовая структура «универсальной защиты». Обозвал себя нехорошими словами, самыми мягкими из которых были: «На фига я взялся огород городить с этой «пыльной стеной»? Хотел, как полегче, а получил, как всегда...» — и принялся добавлять в старую систему недостающие «детали». Если поток Силы он мысленно обозвал «ветром», то материальные объекты... тут он надолго задумался, на пару месяцев. Важны и масса и скорость приближения... В конце концов плюнул и назначил таким объектом горсть песка. Хранящий он или нет? Кучно летит — меч или копье, рассыпчато — стрела. Отлично! Песок тоже отклоняет флюгер, только его надо укрепить, чтобы не сломался от веса. В итоге, спустя еще десять месяцев, подверглась укреплению вся структура-конструкция. По ходу дела, вспомнив жалобу Леона, как его чуть не сожгло обычным перегретым воздухом из разрушенного «огненного шара», пришлось добавить и защиту от других физических факторов: жары, холода, давления, кратковременного отсутствия воздуха, которое опосредованно, не касаясь структуры «смерча», могли создавать Ревущие высоких рангов. В Русовом астрале «универсальная защита» наконец-то после многочисленных доработок стала

действовать безупречно. Настал черед создания амулета и испытания в «реальности».

Однако после первой же серии ударов и обстрелов Андрей с Русом буквально взвыли: получился тот же самый «отражатель», с единственным отличием — для его функционирования требовалось больше Силы. Не воспринимал он физические объекты, хоть ты тресни!

— Должен работать, Андрей, должен! — ярился Рус. — Я в этом уверен, а значит, так и должно быть!

— Ты успокойся, Чик, охладись. Воля у тебя сильная, но ты не бог, а лишь пасынок бога... или сын?

— Да иди ты со своими сыновьями!

— Тогда тем более. Против Воли богов не пойдешь, на ней весь мир стоит.

— На них стоит, говоришь?! — взвился Рус. — Да это они на мире, на людской вере сидят!

Через несколько вдохов-выдохов Рус осознал свое явное преувеличение, мысленно попросил прощения у Величайшей и поправился:

— Ну, конечно, все взаимосвязано. И люди живут благодаря их Воле...

Андрей неодобрительно покачал головой. Хоть он и привык к богохульству друга, но все равно чувствовал себя в этот момент неуютно и молился всем богам, прося простить неразумного «пасынка могущественного, но излишне горячего Бога».

И вдруг во взоре Руса зажглось понимание. Черные зрачки наплыли на серую радужку и в глубине темного бездонного провала Андрей разглядел... что-то совершенно нечеловеческое. И почудился ему хохот, идущий из самых глубин. Он бы заледенел от ужаса, если бы в том смехе не различалось явное облегчение и ироничное веселье, словно говорящее: «Какой я был дурак!» Не успел Андрей испугаться за собственное здравомыслие, не успел усомниться в душевном здоровье друга, как глаза Руса приняли прежний обычный вид. Досадно качая головой, он снял с себя новоиспеченный амулет, отбросил

в сторону и с присказкой: «Мир, говоришь, стоит... хм» — скомандовал:

— Ударь меня мечом!

Над ним засветилась непонятная слабая структура.

Андрей безразлично пожал плечами, материализовал в руке «Утреннюю росу» и несильно рубанул друга поперек живота. Каково же было его удивление, когда он, уже решив остановить меч, почувствовал, как клинок налетел на что-то упругое, сверкнувшее слабеньким желтым светом. Оторопевший Текущий поднял взгляд и увидел на лице Руса выражение полнейшего удовлетворения. Друг кивнул, сказав, казалось, одними глазами, но Андрей догадался: «Бей еще!» И он бил, и колол, и каждый раз меч отскакивал, будто налетал на прыгучую сеть, сплетенную из тягучих волокон какого-то южного дерева — любимое детское развлечение. Потом он обстреливал Руса из лука, подкрадывался с кинжалом и вонзал исподтишка... А теперь уже удивлялся Рус — на такое «подлое» применение оружия он не рассчитывал, но структура срабатывала идеально!

— Что это значит? — наконец-то спросил Андрей, когда друг изволил скомандовать «хватит», и они сели на землю.

Рус ответил не сразу. Видно было, что он, закрыв глаза и то хмурясь, то улыбаясь, словно разговаривал сам с собой. Хотя губы не шевелились. «А может, это... с самим?.. с отцом-отчимом?..» Внутри Текущего похолодело. Он невольно сглотнул.

— Нет, Андрей, — заговорил Рус сразу, как только открыл глаза, — это я с Духами. Рассуждал, так сказать. Я не понял... — и замолчал.

— Что не понял?

— А ни дарка я еще не понял! — неожиданно весело воскликнул Рус. Повернулся к другу, заговорщически подмигнул: — Давай амулет переделывать. Так... нет, совсем новый изумруд, чистейший, есть?

— Слушай, Чик, ты меня совсем запутал. У тебя с головой все в порядке? — Рус промолчал. — Кхм. Вооб-

ще-то мы столько трудов вложили и самый чистый, с самым упорядоченным строением, без обрывов, как ты изволил выражаться, камешек использовали. Если только алмаз попробовать... Ты что, саму структуру поменял?

— Вот же Тартар! — Рус с досадой хлопнул себя по лбу. — Совсем из головы вылетело! Есть же у нас нормальный амулет, я ничего не менял, — сказал он, поднимая с земли отброшенный медальон. — Что ж, давай испытывать,

Следующий статер пасынок Френома позволял себя избивать. Наконец не выдержал и начал уклоняться. В конце концов закрутилась веселая карусель. Костюмы каганских разведчиков, как бы обрызганные разливами цвета хаки всевозможных оттенков, слились в размытый силуэт, с трудом различимый на фоне выгоревшего холма с проплешинами белесого ковыля. Если бы не тучи пыли и не сверкание «Утренней росы», то заметить «сражение» было бы очень трудно. Непревзойденными мастерами маскировки были каганы...

Когда друзья разлетелись в разные стороны, оба тяжело дышали, но лица обоих светились удовлетворением. Взрослые мужчины смотрели друг на друга и еле сдерживались от чисто ребяческого кривляния: «Как я тебя!», «А как я тебя?!». Они, оказывается, соскучились по битвам. Стоило начаться потешной драке, как обоих охватил азарт. Рус опомнился первым. Достал из-под куртки амулет на длинной бронзовой цепочке, снял его через голову и бросил Андрею.

— Капни на него своей кровью. — Друг удивленно поднял брови. — Не думай ни о чем! Проколи палец и приложи к кристаллу! Быстрее! — Андрей машинально выполнил этот странный приказ. — Надевай его на шею. А теперь держись!

В руках Руса сверкнули «близнецы», и снова возник вихрь из смешавшихся тел. Вскоре к необычно тихим, без звона стали о сталь звукам схватки присоединились завывания Духов, а мечи замелькали цветами самых разных стихий. Если бы можно было снять этот «бой» ско-

ростной съемкой, а потом прокрутить запись в обычном режиме, то зритель заметил бы, что один участник действия, открыв рот и опустив длинный узкий прямой меч, стоял практически неподвижно, а второй, скалясь, как волк, насакивал и кружил вокруг первого, молотя парными мечами, казалось, со всех сторон одновременно и ни разу не смог коснуться тела неподвижного противника.

«Близнецы» исчезли, и Рус, страшно усталый и жутко довольный, лег на иссохшую траву...

Объясниться пасынок Френома изволил только после того, как они с Андреем распили фляжку настоящего виноградного вина — изделие нынешних жителей Кальвариона, а не «фруктовое пойло», произведение прошлых хозяев города. Андрей как истинный месхитинец великолепный каганский напиток не жаловал. Вино Текущий вытащил из своего «кармана» и поспешил угостить друга. Иначе бы Рус достал каганское «пойло», которое носил с собой, называя его «Росой золотого цветка» или просто «кисленьким».

— Понимаешь, Андрюша, ведь «отражатель» вообще-то тоже не должен был работать.

— То есть? — удивился мастер Текущий.

Кстати, неофициальный мастер. Потому что работу на ранг не сдавал, не экзаменовался и подтверждение из ордена соответственно не получал. Это надо было ехать в Альдинополь, где он до сих пор официально числился учеником-экстерном, и подписывать контракт. Конечно, его бы легко квалифицировали в «отпускные» маги, у Текущих с этим особых проблем не наблюдалось, но... мало ли. Да и четверть от заработка надо было потом отчислять всю оставшуюся жизнь. Но не в этом дело, Андрей не жадничал, просто... сам не понимал почему. Наверное, заразился от Пиренгула здоровой паранойей. Все-таки житель загадочного Кальвариона, муж Верховной жрицы Эледриаса, а ехать надо чуть ли не в пасть врагам. Ордены, как бы Рус ни утверждал обратное, сильно зависели от царской власти. Да и сама орденская верхушка

была жутко любопытной и — зачем скрывать? — жадной. Наконец, Андрею было элементарно некогда.

— Все дело в Воле богов. В моем случае, в Воле богини Геи. Я же — Хранящий. — Рус замолчал, будто разъяснил все.

— Это я давно знал, Чик, не томи! — Андрей сгорал от любопытства, и эта издевательская затяжка со стороны друга его раздражала.

— Да не специально я! Пытаюсь подобрать слова... В общем, на «отражатель» Гея как бы закрыла глаза. То есть позволила моей Воле реализоваться, согласилась с новой структурой, согласовала со своей Волей. Наши наставники правы — вся магия в нашем мире исходит из Воли богов. Наука существует и развивается, — Рус произнес это без обычной своей скрытой издевки по поводу геянской магической мысли и ее методов — абсолютно отличных от строгих выверенных логичных земных изысканий, — но не зря за тысячи лет существования магии не смогли создать ничего подобного нашей «универсальной защите», а они были умными мужами...

Андрей вслушивался в каждый звук, в каждый вздох Руса, боясь пропустить что-то невероятно важное, ломающее все устои. Сжав зубы, терпел, глотал многочисленные уточняющие вопросы, которые буквально рвались из его глотки. Он давно ждал от друга — пасынка могучего бога, в чем он несколько не сомневался, — новых и очень надеялся, что жутко тайных сведений об основах мироздания. Андрей, конечно, привык к скрытности Руса и ничего у него не выпытывал, не считая частых шуточных намеков на «божественность»; на них он серьезных ответов и не ждал. По-дружески, даже скорее по-детски, восторгался его невероятными возможностями и... всегда лелеял надежду. Однажды, когда Гелиния находилась под властью демонской сущности, друг сгоряча рассказал такие сведения о богах и их взаимоотношениях с людьми, что Андрей отказывался верить и только через силу заставил себя не сомневаться в словах Чика. Но очень скоро успешное посвящение Грации и

появление нового бога — Эледриаса смело остатки недоверия. Сейчас, похоже, приоткроется еще одна толика большой загадки, имя которой — Рус.

— Боги отмечают отдельных людей, делают их склонными к своей Силе. А потому не хотят, чтобы другие люди могли препятствовать их возможностям, как бы обесценивая божественный дар. Предвижу твое возражение: «А как же Знаки? А в последнее время «отражатель»? Ну, с последним чуть позже, а о Знаках скажу так. Ты же сам говорил о равновесии между государством и орденами. Неужели ты думаешь, что эта ситуация могла сложиться вопреки желанию высших сил? Страны — это вроде как обычные люди, ордены — склонные к Силе. Богам важна каждая душа, они не хотят излишнего усиления одних или других... Плодитесь, так сказать, и размножайтесь... мы любим, — это слово Рус произнес с изрядной долей сарказма, — всех человеков, и чем вас больше, тем больше... любим. Хм, где-то так. Душу с уникальной Волей они обожают, она их усиливает и бодрит, если так можно говорить о сущности абсолютно непостижимой, с точки зрения человека... Вот Знаки и призваны защитить от излишнего смертоубийства, с одной стороны, и сделать магов более короткоживущими, с другой... Хэх, как я выкрутился! У склонных к Силе мало детей. Да и семьи они создают редко, а богам это невыгодно...

— Ну и не посылали бы эту склонность! — не выдержал Андрей, — Из твоих слов выходит, что богам все равно, какой человек: маг или нет, — души любого уходят в их чертоги и все — равноценные! И вообще, мне не нравится быть кроликом! Только размножаться и подыхать... в жаровне.

— Не горячись. О чертогах ты и без меня знаешь, там — блаженство. А «жаровня» ждет только в том случае, если сильно уж нагресишь, грубо нарушишь «заветы», «законы», «послания» и прочее, у каждого бога свой список. Тогда Тартар забирает душу, как бы подбирает выброшенную, поэтому его и называют «падальщиком»... Сейчас не об этом речь, мы отвлеклись. Это же

всем известные истины. Кхм. — Рус прочистил горло, а заодно, насколько смог, собрал разрозненные мысли. Преподавание — не его конек. Он бы не стал читать эту лекцию, если бы не пообещал Андрею разъяснить принцип действия «универсальной защиты». Для этого приходилось затрагивать основы теологии и высказывать свою точку зрения, которая совсем не факт, что самая правильная.

— Не могут боги не посылать «склонность»! Во-первых, это сильно укрепляет веру в их существование, в их могущество. А вера, это я тебе уже не раз говорил, очень много значит. Без нее они попросту не могут надолго удержаться в мире... — Андрей недоверчиво покачал головой. — Ну, и не буду переубеждать. Если пример Грации тебя не убедил, то...

— Это частный случай! Ты сам тогда утверждал, что Эледриас должен был вот-вот родиться! Он бы и без нее явился на готовую Силу, которая только и ждала, когда ее кто-нибудь обуздает... Ты же за себя опасался! Тебя отчим к ней подталкивал, а ты упирался!.. Я, когда Сила пятна обрела бога, даже пожалел, что это не ты... Да понятно, что это был бы уже не мой друг Чик, но как-то... по-детски, наверное, приятно было бы... А ты молодец, Чик! Выбрал земную любовь, против божественного могущества! Как у поэтов! Как в поэме у...

— Стой, Андрей, не заносись! А то у меня настрой уйдет, и я вообще ничего тебе не расскажу! Умерь свой актерский порыв... — «Актер» мгновенно потерял творческий запал и снова превратился в слух. — А во-вторых, друг мой Текущий, некоторые личности изначально имеют сильную Волю и сами притягивают к себе Силу. Например, как я. Потому и Френом меня усыновил, но это к делу не относится... Да подожди ты! — Андрей снова не удержался, рвался перебить. Это в библиотеке или на экспериментах он был очень собранным, а в обществе своего необычного друга с трудом держал себя в руках. Его так и подмывало возразить или уточнить что-нибудь. — К этому делу, к амулету... на чем я... Ах да! — Рус начал

уставать. Такую речь, по большому счету философскую, он еще не говорил. Длинные лекции наставникам нового этрусского ордена Призывающих — совсем другое дело. Там он рассуждал о личном опыте «дружбы» с Духами, о структурах, и совершенно не касался глубин мироустройства. Слова лились сами собой, он почти и не думал. Теперь же мысли, вместо того чтобы прочно сидеть на своих местах, расшатывались и падали, норовили запутаться или потеряться совсем.

— Устал я, Андрей, но постараюсь закончить, только ты меня не перебивай! Так вот, боги вынуждены тем людям, которые «притягивают» Силу, дарить свою благосклонность. Тут уже кто первым успел — тому и посвящение. Ко мне Гея первой поспела. Кстати, у меня есть «астральный колодец» с Силой Гидроса, но он для меня бесполезен. Пробовал — Сила не слушается. У-у, дарки! Как-то скомканно получается... ну да ладно... Если первый «отражатель», разрушающий только структуры, то есть произведения магов, Гея приняла, то со вторым вышла заноза. Да, там еще, помнишь, в самом первом амулете было такое, что Сила как бы совсем отсекалась? Вроде бы это явное нарушение ее Воли — лишение мага склонности к Силе, но это не так. Сама «склонность» оставалась, а значит, «благоволение» бога не отнималось. Во втором же случае мы замахнулись на защиту от обычного железа. Казалось бы, что в этом могло не устраивать богов? Я сам поразился, это же так нелогично!.. Только, Андрей, у них своя логика. Дело в том, что мы посмели сами распорядиться судьбой «их» душ. С таким амулетом убить человека будет крайне затруднительно. Клио плетет себе нить судьбы, узелки вяжет, скрещивает одну с другой, знает, где какая нить оборвется, и вдруг на тебе — стрела не доходит до цели. Со структурами еще можно смириться — магов мало... едва ли пара на сотню. Этрусков не беру, у них, пожалуй, каждый пятый-шестой... Дарки, надо будет уточнить... опять отвлекся, но ты, Андрей, потерпи. Дай попить, в горле пересохло.

Испив полфляги холодной воды, которая охладила,

смягчила глотку и придала новых сил, Рус продолжил, а Андрей терпеливо молчал. Только мелкие суетные движения да возбужденный взор выдавали нешуточное волнение.

— А с другой стороны, амулет может сделать магов более уязвимыми. Воин, если подберется вплотную, вполне способен продавить его защиту и просто зарезать, как безответного борка. Это тебе не якобы лишение склонности к Силе, это отнятие самого «благоволения» бога! Ну, дурасть же, согласишься! А боги меж тем видят опасность «универсальной защиты» именно в этом. По крайней мере, я пришел к такому выводу. А на самом деле их понять невозможно, как, впрочем, и они нас до конца не разумеют... но это я опять отвлекся. Не хотели они создания такого амулета — это факт, и хватит рассуждать о причинах.

Рус выдохся и решил сократить дальнейшее просвещение друга. Но быстро остановиться не смог, наболело:

— Короче, когда я очень-очень внимательно рассмотрел всю структуру, то увидел в ней маленькое бледное Слово. Более того, я разобрал, что оно означает. А означало оно то, что я и хотел создать. Добавил в нее Волю, притянул Силу и все. Структура заработала. Молчи! Дай закончить, потом объясню, что значит Слово. С амулетом сложнее. Такая Воля, как у меня, — явление редкое. — Рус умолчал, что она вовсе уникальна. — Это вообще странное понятие. Маги используют ее как определение «силы духа», как меру способности управлять Божественной Силой. И все вроде бы знают, что это такое, но никто не может описать в точности. Это и решимость, готовность пойти на все ради исполнения желания, страсти, и, наоборот, преодоление страсти. Это и способность переступать через собственную лень; ежедневно, каждый статер, каждое мгновение, и возможность терпеть боль, напрягаться во имя некой цели, и вера в эту цель и стремление достичь ее с приложением усилий, не жалея себя... много можно добавлять, до бесконечности... для меня главное — убежденность и вера. Тогда остальное прило-

жится... Дарки, снова не то! Еще короче: каждый человек распыляет свою Волю на множество целей. Единственное место, где она сохраняет целостность, — кровь, в каждой капле которой есть частичка души. В крови ей, понимаешь, некуда метаться... — Рус горько усмехнулся, невольно вспомнив себя, обвязанного лианами, и кровь, которая стекала по икрам, щекотала, теплая, почти горячая — его кровь, родная, уносящая с собой его жизнь...

— Я чуть-чуть подправил структуру в амулете... только не спрашивай, как мне это удалось! Сделал в ней мини-алтарь. И все. Воля любого человека наполняет Слово — «универсальная защита» активируется. Да, амулет всегда будет активным, но мы специально зацикливали структуру, чтобы он не терял Силу, помнишь? — Андрей, оупленный массой навалившихся на него сведений, действительно ломающих внутренние устои, вяло кивнул. — И да, они будут индивидуальными и «перевязать» их будет невозможно, — закончил Рус скороговоркой.

— Теперь, Андрей, я окончательно сдох. Никаких вопросов! — С этими словами он выпил «кисленького», достал из «кармана» мягкую теплую непромокаемую подстилку-накидку и устроился спать, свернувшись калачиком. Давно стояла темная пасмурная ночь. Друзья и не заметили, когда она успела накрыть их безлунным беззвездным небом.

Если Рус уснул, едва коснувшись одеяла, то Андрей ворочался до рассвета. Все в нем смешалось. Он пытался разобраться в словах Руса, но они никак не хотели складываться в завершенную цепочку, словно не хватало какого-то важного звена. Он уяснил то, что боги — это не какие-то, как преподавали орденские наставники, «непознаваемые сущности, дарящие Силу своим избранным, иногда сходящие на землю в образе людей, а чаще являющиеся во снах»; и не всезнающие добрые могучие маги, какими представлялись в детстве, — они многогранные, как Рус, который многому научился у отца. Его родитель Френостер стер ему память, назвав лишь своим пасынком. И Рус впитал в себя все человеческое, возможно, от мате-

ри, и, по сути, стал полноценным человеком. Но в то же время не забыл своих, несомненно, божественных, способностей. Одно только странное «Слово» чего стоит. Нигде и никогда Андрей не слышал и не читал о таком понятии. И еще ему было крайне лестно осознавать, что каждый человек, в том числе и он сам, — чуточку бог. На его груди висел личный алтарь, и он недавно пожертвовал себя себе. Его кровь сломила Волю богов, и это наполняло душу гордостью. Но одновременно где-то под ложечкой трепетал страх: «Да кто я такой?! А если боги решат отомстить?» — но Андрей ничуть не жалел о своем поступке и ни в коем случае не обвинял Руса в обмане. Даже если бы он заранее рассказал о мини-алтаре, Андрей бы не поколебался — в этом он был абсолютно уверен.

И вообще, с Чиком — не пропадешь! Пометавшись из крайности в крайность, жизнерадостная натура Андрея в конце концов победила. Текущий закрыл глаза в момент, когда полнеба запылилось размазанным высокой пылью багрянцем. Наступил рассвет.

Андрею удалось поспать всего полчетверти. Разбудил его веселый голос Руса:

— Вставай, лежебока! Солнышко уже высоко, петухи орать устали... Воду давай!

Друзья помылись «структурной» водой, которую Текущий лил прямо из ладоней. За статер ее существования вполне можно успеть сполоснуться. Позавтракали и принялись готовить второй амулет, теперь уже на основе Силы Гидроса. «Перевод» этой структуры Андрей давно выполнил и сейчас занимался добавлением к ней мини-алтаря. Потом предстояла долгая обработка опущенной в эликсир заготовки потоком Силы, быстрое встраивание структуры и закрепление артефакта при помощи Знаков, нарисованных стикером.

— Слушай, Чик, а нам не захотят отомстить? А то я представляешь, за ночь ни разу не помолился. Боюсь обращаться к Великому, — сказал вроде шуткой, но...

— Нет. — Рус ответил очень серьезно. — Что сделано,

то сделано. Слово сказано. Если оно и замечено, то это такая малость... Нет, не переживай. Ха! Да Величайшая и забыла о своем решении... — А сам впервые задумался: «Черт, а кто ее знает? Ты прости, Величайшая! Нужны нам эти амулеты, вот нутром чую... а мы их сильно распространять не будем, обещаю. В общем, прости, Величайшая. Ты же знаешь, что я тебя люблю...»

Помолился хоть и полушутливо, но достаточно искренне. На том и успокоился.

— Ну и хвала Великому! Только я все же думаю, что не надо их особо распространять. Ты как считаешь, Чик?

— Полностью с тобой согласен! И... о лекции моей тоже не рассказывай. Хорошо?

— Не с варваром говоришь! — гордо ответил «артист». Закончил серьезней: — Никому! Могу поклясться...

— Не надо! — пресек его Рус. — Хватит вмешивать богов. И вот еще что: про алтарь в амулете — даже не упоминать! Новый способ привязки — и все.

Как ни жалко было друзьям, первый образец работающей «защиты» решили уничтожить. Воин-маг Текущий, пользующийся активным артефактом на силе Земли, — редкость. Возникнут вопросы. Как маг собирается обновлять в нем Силу? Звать Хранящего? Ах, изделие уникальное?! А что в нем особенного? Такое внимание было ни к чему. К тому же ни Рус, ни Андрей и сами не ведали, насколько его хватит. Исходя из опыта использования «отражателей», приходилось признавать: схватка в лагере коалиционной армии истощила амулеты практически полностью. Если бы не вовремя возникшие големы, то диверсанты понесли бы серьезные потери. Так что Рус, горько вздохнув, подкинув на ладони изумруд размером с ноготь (бронзовую оправу с цепочкой он предварительно снял), бросил камень в карман куртки и попросил Духа слияния с ветром разрушить структуру в амулете.

Он уже и забыл о той просьбе, когда во вторую вечернюю четверть в его голове, завывая свистящими тонами, проревел голос Воздушного Духа:

«Спасибо, Большой Друг, за бесценный опыт...»

«Какой?» — растерялся Рус.

«Я смог развеять Слово... — Через некоторое время, видимо, подумав, решил уточнить: — Две утренние, все дневные и первую вечернюю четверти я рушил структуру в амулете. Хорошо, что Слово было наполнено не твоей Волей, а то бы не смог... для нас, Духов, борьба с Божественными Словами — интересная задача...»

«Пожалуйста... — рассеянно ответил Рус, но все же поблагодарить не забыл: — Спасибо за работу, друг!» — А слова Духа заставили задуматься...

За этот день друзья успели сделать два новых амулета на основе Сил Гидроса и Геи. «Привязали», испытали и, удовлетворенные, легли спать.

— Дарки! — вдруг воскликнул Андрей. — Мы же планировали сегодня одну скважину запустить!

— Ничего, — зевая, отмахнулся Рус, — завтра две сделаем... Надоела мне эта глупая Пиренгулова затея. Если что, из Кальвариона всех местных прокормим...

— Не скажи, — не согласился Текущий. — Вода — это жизнь!

Рус не ответил. Он уже спал.

Андрей еще поворочался и в сердцах прошептал:

— У-у-у, каменюка божественная! У меня бы сын родился, я бы каждую ночь домой ночевать ходил, а он!.. И не бросишь его, барана упертого... Грация! У подруги вертись, от ребеночка не отходишь, а сама когда созреешь? Дарково твое служение... Прости, Справедливый!

ГЛАВА 3

Три года назад, впервые придя в Кальварион, Пиренгул поразился всеобщей расхлябанности и откровенному разгильдяйству. Богатый город, в котором было все нужное для жизни, в котором блага были доступны всем, — расслаблял. Он буквально убаюкивал своим величавым спокойствием, каменной надежностью и яркой

иллюзией полной безопасности. Лишь высокие черные башни причудливых, невероятно чуждых даже каганскому городу форм внушали трепет. На них попросту старались не смотреть. Только наиболее любознательные и жадные маги пытались в них проникнуть. Остальной же народ, пять сотен тирских воинов, довольствовались домами — цилиндрическими, разноуровневыми каменными строениями, среди которых невозможно было найти двух полностью идентичных. Хвала богам, защитные узоры, которые охраняли каждое здание, находились в неактивном состоянии, и маги довольно легко их ломали. Однако полная безмятежность творения древних каганов оказалась обманчивой. На пятерых погибших бедолаг, вляпавшихся в сторожевые ловушки, люди, охваченные азартом разграбления, не обратили внимания. Разве только стали немного осторожней. А вот навеянный «старым каганским проклятием» заговор Джабула, двоюродного брата Пиренгула, воина-мага Пылающего, наместника княжны — номинальной владельницы всей долины, — потряс крошечное население большого города, но... отборные тирские воины настолько привыкли к безделью и безмятежности, настолько развратились удобствами и доступным богатством, что не пожелали менять мирную жизнь на тяготы строгой армейской службы. Охрана города и двух застав, Восточной и Западной, на входах в обширную долину продолжала вестись из рук вон плохо.

Пиренгул сразу взялся за наведение порядка. Первым делом построил всех воинов, отчитал их, как сопливых мальчишек, показал, что будет с теми, кто и дальше станет нарушать дисциплину, и тиренцы присмирели и бросились чистить давно заброшенные щиты и латы. Дело в том, что наказание показалось им ужасней смерти: Отиг, магистр Хранящий, пришедший вместе с князем, создавал под особо провинившимися командирами, специально выбирая среди них магов, «зыбучую яму», и те проваливались. Причем было не важно, успевали они закрыться защитой или нет. Пока их отправили недалеко, за сте-

ны города, так сказать «для примера», однако Отиг вполне мог «выкинуть» и за пределы пятна, вернуть в Тир, о чем недвусмысленно предупредил Пиренгул. Ничего хуже этого войны не могли себе представить. Кальварион воспринимался ими, неприхотливыми кочевниками, счастливыми долинами предков, где они поселились при жизни...

Дисциплина наладилась. Вскоре Отиг, при помощи еще одного мага-Хранящего и Андрея, построил храм «новорожденного» бога Эледриаса, недавно ставшего безраздельным «хозяином» всех пятен — осколков мира каганов и альганов, пять сотен лет назад появившихся на Гее. В этом храме новоиспеченная Верховная жрица Грация венчала на княжение Гелинию. Теперь та стала полноправной княгиней всей долины и города Кальвариона. Конечно, она слушала отца и принимала советы мужа, но распоряжаться стала сама. А число ее подданных резко возросло: бывшие рабы из Тира, Эндогории, а бывало и заморских стран, ведомые волей Эледриаса — Защитника и Освободителя, охраняемые некогда злобными тварями пятна, шли в долину Кальвариона, как представлялось Гелинии, нескончаемым потоком. Поток, разумеется, в конце концов иссяк, и население непризнанного княжества стабилизировалось в количестве примерно трехсот тысяч человек, из которых бывших невольников оказалось... «всего-то» тысяч восемьдесят. В Тире рабов изначально было немного, а эндогорцы быстро освоили тактику уничтожения собственных беглецов на границе пятна, когда они еще не попадали под защиту Эледриаса. Остальными жителями Кальвариона стали тиренцы, сорвавшиеся со скудеющих пастбищ, из городков, поселений и даже из столицы, Эолгула, которые быстро вспомнили кочевое прошлое и ушли к новой жизни. Мамлюк, средний сын Пиренгула, не смог удержать степные роды, двинувшиеся вслед за первым организованным караваном. А потом, буквально на следующий год после «большого исхода», на Тир опустилась засуха. Тогда побежали остальные.